Н. ГУМИЛЕВЪ

ШАТЕРЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„БИБЛІОФИЛЪ"
РЕВЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БИБЛИОФИЛ

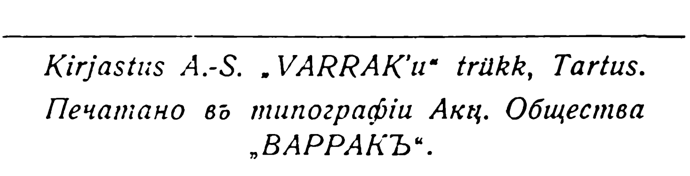
Обложка, заставка и концовка работы художника Н. К. Калмакова.

Н. ГУМИЛЕВЪ

ШАТЕРЪ

Стихи

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОФИЛЪ“
РЕВЕЛЬ



Kirjastus A.-S. „VARRAK'u“ trükk, Tartus.

Печатано въ типографіи Акц. Общества „ВАРРАКЪ“.

Вступленье

Оглушенная ревомъ и топотомъ,
Облеченная въ пламя и дымы,
О тебѣ, моя Африка, шопотомъ
Въ небесахъ говорятъ серафимы.

И твое раскрывая Евангелье,
Повѣсть жизни ужасной и чудной,
О неопытномъ думаютъ ангелѣ,
Что приставленъ къ тебѣ, безразсудной.

Про дѣянья свои и фантазіи,
Про звѣриную душу послушай,
Ты, на деревѣ древнемъ Евразіи
Исполинской висящая грушей.

Обреченный тебѣ, я повѣдаю
О вождяхъ въ леопардовыхъ шкурахъ,
Что во паркѣ лѣсовъ за побѣдою
Водятъ полчища воиновъ хмурыхъ;

О деревняхъ съ кумирами древними,
Что смѣются улыбкой недоброй,
И о львахъ, что стоятъ надъ деревнями
И хвостомъ ударяютъ о ребра.

Дай за это дорогу мнѣ торную
Тамъ, гдѣ нѣту пути человѣку,
Дай назвать моимъ именемъ черную
До сихъ поръ неоткрытую рѣку.

И послѣднюю милость, съ которою
Отойду я въ селенья святыя,
Дай скончаться подъ той сикоморою,
Гдѣ съ Христомъ отдыхала Марія.

Красное Море

Здравствуй, Красное Море, акулья уха,
Негритянская ванна, песчаный котелъ!
На утесахъ твоихъ, вмѣсто влажнаго мха,
Известнякъ, словно каменный кактусъ, расцвѣлъ.

На твоихъ островахъ въ раскаленномъ пескѣ,
Позабыты приливомъ, ростущимъ въ ночи,
Издыхаютъ чудовища моря въ тоскѣ,
Осьминоги, тритоны и рыбы-мечи.

Съ африканскаго берега сотни пирогъ
Отплываютъ и жемчуга ищутъ вокругъ
И стараются ихъ отогнать на востокъ
Съ аравійскаго берега сотни фелукъ.

Если негръ будетъ пойманъ, его уведутъ
На невольничій рынокъ Ходейды въ цѣпяхъ,
Но арабъ несчастливый находитъ пріютъ
Въ грязно-рыжихъ твоихъ и горячихъ волнахъ.

Какъ учитель среди шалуновъ, иногда
Океанскій проходитъ средь нихъ пароходъ,
Подъ винтомъ снѣговая клокочетъ вода,
А на палубѣ красныя розы и ледъ.

Ты безсильно надъ нимъ; пусть реветъ ураганъ,
Пусть волна, какъ хрустальная встанетъ гора,
Закуривъ папиросу, вздохнетъ капитанъ:
— „Слава Богу, свѣжо! Надоѣла жара!“ —

Цѣлый день надъ водой, словно стая стрекозъ,
Золотыя летучія рыбы видны,
У песчаныхъ, серпами изогнутыхъ, косъ
Мели, точно цвѣты, зелены и красны.

Блещетъ воздухъ, налитый прозрачнымъ огнемъ,
Солнце сказочной птицей глядитъ съ высоты:
— Море, Красное Море, ты царственно днемъ,
Но ночами вдвойнѣ ослѣпительно ты!

Только тучкой скользнутъ водяные пары,
Тѣни черныхъ русалокъ мелькнутъ на волнахъ,
Намъ чужія созвѣздья, кресты, топоры,
Надъ тобой загорятся въ небесныхъ садахъ.

И огнями бенгальскими сразу мерцать
Начинаютъ твои колдовскія струи,
Искры въ нихъ и лучи, словно хочешь создать,
Позавидовавъ небу, ты звѣзды свои.

И когда выплываетъ луна на зенитъ,
Вѣтръ проносится, запахи лѣса тая,
Отъ Суэца до Бабель-Мандеба звенитъ,
Какъ Эолова арфа, поверхность твоя.

На обрывистый берегъ выходятъ слоны,
Чутко слушая волнъ набѣгающихъ шумъ,
Обожать отраженье ущербной луны
Подступаютъ къ водѣ и боятся акулъ.

И ты помнишь, какъ, только одно изъ морей,
Ты исполнило нѣкогда Божій законъ,
Разорвало могучіе сплавы зыбей,
Чтобъ прошелъ Моисей и погибъ Фараонъ.

Египетъ

Какъ картинка изъ книжки старинной,
Услаждавшей мои вечера,
Изумрудныя эти равнины
И раскидистыхъ пальмъ вѣера.

И каналы, каналы, каналы,
Что несутся вдоль глиняныхъ стѣнъ,
Орошая Дамьетскія скалы
Розоватыми брызгами пѣнъ.

И такіе смѣшные верблюды
Съ тѣломъ рыбъ и съ головками змѣй,
Какъ огромныя, древнія чуда
Изъ глубинъ пышноцвѣтныхъ морей.

Вотъ какимъ ты увидишь Египетъ
Въ часъ божественный трижды, когда
Солнцемъ день человѣческій выпитъ
И, колдуя, дымится вода.

Къ отдаленнымъ платанамъ цвѣтущимъ
Ты проходишь, какъ шелъ до тебя
Здѣсь мудрецъ, говоря съ Присносущимъ,
Птицъ и звѣзды навѣкъ полюбя.

То вода ли шумитъ безмятежно
Между мельничныхъ тяжкихъ колесъ,
Или Аписъ мычитъ бѣлоснѣжный,
Окровавленный цѣпью изъ розъ?

Это взоръ благосклонный Изиды
Иль мерцанье встающей луны?
Но опомнись! Ростутъ пирамиды
Предъ тобою, черны и страшны.

На сѣдые отъ мха ихъ уступы
Ночевать прилетаютъ орлы,
А въ глубинахъ покоятся трупы,
Незнакомые съ тлѣньемъ, средь мглы.

Сфинксъ улегся на стражѣ святыни
И съ улыбкой глядитъ съ высоты,
Ожидая гостей изъ пустыни,
О которыхъ не вѣдаешь ты.

Но, Египта властитель единый,
Ужъ колышется Нильскій разливъ
Надъ чертогами Елефантины,
Надъ садами Мемфиса и Ѳивъ.

Тамъ, взглянувъ на пустынную рѣку,
Ты воскликнешь: „вѣдь это же сонъ!
Не прикованъ я къ нашему вѣку,
Если вижу сквозь бездну временъ.

„Исполняя царевы велѣнья,
Не при мнѣ ли нагіе рабы
По пустынямъ таскали каменья,
Воздвигали вотъ эти столбы?

„И столѣтья затѣмъ, не при мнѣ ли
Хороводы танцующихъ жрицъ
Крокодилу хваленія пѣли,
Передъ Ибисомъ падали ницъ?

„И томясь по Антоніи миломъ,
Поднимая большіе глаза,
Клеопатра считала надъ Ниломъ
Пробѣгающіе паруса".

Но довольно! Ужели ты хочешь
Вѣчно жить средь минувшихъ отрадъ?
И не радъ ты сегодняшней ночи
И сегодняшнимъ травамъ не радъ?

Не обломокъ стариннаго крипта,
Подъ твоей зазвенѣвшій ногой,
Есть другая душа у Египта
И торжественный праздникъ другой.

Точно дивная Фата-Моргана
Виденъ городъ у ночи въ плѣну,
Надъ мечетью султана Гассана
Минаретъ протыкаетъ луну.

На прохладныхъ открытыхъ террасахъ
Чешутъ женщины золото косъ,
Угощаютъ подругъ темноглазыхъ
Имбиремъ и вареньемъ изъ розъ.

Шейхи молятся, строги и хмуры,
И лежитъ передъ ними Коранъ,
Гдѣ персидскія миніатюры —
Словно бабочки сказочныхъ странъ.

А поэты скандируютъ строфы,
Развалившись на мягкой софѣ,
Предъ кальяномъ и огненнымъ кофе
Вечерами въ прохладныхъ кафе.

Здѣсь не даромъ страна сотворила
Поговорку, прошедшую міръ:
— Кто испробовалъ воду изъ Нила,
Будетъ вѣчно стремиться въ Каиръ. —

Пусть хозяева здѣсь — англичане,
Пьютъ вино и играютъ въ футболъ,
И Хедива въ высокомъ Диванѣ
Ужъ не властенъ святой произволъ!

Пусть! Но истинный царь надъ страною
Не арабъ и не бѣлый, а тотъ,
Кто съ сохою или съ бороною
Черныхъ буйволовъ въ полѣ ведетъ.

Хоть ютится онъ въ домѣ изъ ила,
Умираетъ, какъ звѣри въ лѣсахъ,
Онъ любимецъ священнаго Нила
И его современникъ — феллахъ.

Для него ежегодно разливы
Этихъ рыжихъ всклокоченныхъ водъ
Затопляютъ богатыя нивы,
Гдѣ тройную онъ жатву беретъ.

И его ограждаютъ пороги
Полосой острогрудыхъ камней
Отъ нежданной полночной тревоги,
Отъ короткихъ нубійскихъ мечей.

А вѣдь знаетъ и коршунъ безсонный:
Вся страна — это только рѣка,
Окаймленная рамкой зеленой
И другой, золотой, изъ песка.

Если аистъ задумчивый близко
Поселится на полѣ твоемъ,
Напиши по англійски записку
И ему привяжи подъ крыломъ.

И весной на листѣ евкалипта,
Если аистъ вернется назадъ,
Ты получишь привѣтъ изъ Египта
Отъ веселыхъ фелашскихъ ребятъ.

Сахара

Всѣ пустыни другъ другу отъ вѣка родны,
Но Аравія, Сирія, Гоби,
Это лишь затиханье Сахарской волны,
Въ сатанинской воспрянувшей злобѣ.

Плещетъ Красное Море, Персидскій Заливъ,
И глубоки снѣга на Памирѣ,
Но ея океана песчаный разливъ
До зеленой доходитъ Сибири.

Ни въ дремучихъ лѣсахъ, ни въ просторѣ морей,
Ты въ одной лишь пустынѣ на свѣтѣ
Не захочешь людей и не встрѣтишь людей,
А полюбишь лишь солнце, да вѣтеръ.

Солнце клонитъ лицо съ голубой вышины
И лицо это дѣвственно-юно,
И какъ струи пролитаго солнца, ровны
Золотыя песчаныя дюны.

Всюду башни, дворцы изъ порфировыхъ скалъ,
Вкругъ фонтаны и пальмы на стражѣ,
Это солнце на глади воздушныхъ зеркалъ
Пишетъ кистью лучистой миражи.

Живописецъ небесный вечерней порой
У подножія скалъ и растеній
На пескѣ, какъ на гладкой doскѣ золотой,
Разстилаетъ лиловыя тѣни.

И, небесный пѣвецъ, лишь подастъ оно знакъ,
Прозвучатъ гармоничные звоны,
Это лопнетъ налитый огнемъ известнякъ
И разсыпется пылью червленой.

Блещутъ скалы, темнѣютъ надъ ними внизу
Древнихъ рѣкъ каменистыя ложа,
На покрытое волнами море въ грозу,
Ты промолвишь, Сахара похожа.

Но вглядись: эта вѣчная слава песка —
Только горняго отсвѣтъ пожара,
Съ небесами, гдѣ легкія спятъ облака,
Бродятъ радуги, схожа Сахара.

Буйный вѣтеръ въ пустынѣ второй властелинъ,
Вотъ онъ мчится порывами, точно
Средь высокихъ холмовъ и широкихъ долинъ
Дорогой иноходецъ восточный.

И звенитъ и поетъ, поднимаясь, песокъ,
Онъ узналъ своего господина,
Воздухъ меркнетъ, становится солнца зрачекъ,
Какъ гранатовая сердцевина.

И, чудовищныхъ пальмъ вѣковые стволы,
Вихри пыли взметнулись и пухнутъ,
Выгибаясь, качаясь, проходятъ средь мглы,
Тайно вѣришь — вовѣки не рухнутъ.

Такъ и будутъ бродить до скончанья вѣковъ
Каждый часъ все грознѣй и грознѣе,
Головой пропадая среди облаковъ,
Эти страшныя сѣрыя змѣи.

Но мгновенье . . . отстанетъ и дрогнетъ одна
И осядетъ песчаная груда,
Это значитъ — въ пути спотыкнулась она
О ревущаго въ страхѣ верблюда.

И когда на прояснѣвшей глади равнинъ
Всѣ полягутъ, какъ новыя горы,
Въ Средиземное море уходитъ хамсинъ
Кровь дурманить и сѣять раздоры.

И стоитъ караванъ, и его проводникъ
Всюду посохомъ шаритъ въ тревогѣ,
Гдѣ-то около плещетъ знакомый родникъ,
Но къ нему онъ не знаетъ дороги.

А въ оазисахъ слышится ржанье коня
И подъ пальмами вѣянье нарда,
Хоть рѣдки острова въ океанѣ огня,
Точно пятна на шкурѣ гепарда.

Но здѣсь часто звучитъ оглушающій вой,
Блещутъ копья и вѣютъ бурнусы,
Туареговъ, что западной правятъ страной,
На востокѣ не любятъ тиббусы.

И пока они бьются за пальмовый лѣсъ,
За верблюда иль взоры рабыни,
Ихъ родную Тибести, Мурзукъ, Гадамесъ
Заметаютъ пески изъ пустыни.

Потому что пустынные вѣтры горды
И не знаютъ преградъ своеволью,
Рушатъ стѣны, сады засыпаютъ, пруды
Отравляютъ бѣлѣющей солью.

И, быть можетъ, немного осталось вѣковъ,
Какъ на міръ нашъ зеленый и старый
Дико ринутся хищныя стаи песковъ
Изъ пылающей юной Сахары.

Средиземное Море засыпятъ они,
И Парижъ, и Москву, и Аѳины,
И мы будемъ въ небесные вѣрить огни,
На верблюдахъ своихъ бедуины.

И когда, наконецъ, корабли марсіанъ
У земного окажутся шара,
То увидятъ сплошной, золотой океанъ
И дадутъ ему имя: Сахара.

Суэцкій Каналъ

Стаи дней и ночей
Надо мной колдовали,
Но не знаю свѣтлѣй,
Чѣмъ въ Суэцкомъ Каналѣ,

Гдѣ идутъ корабли,
Не по морю, по лужамъ,
Посрединѣ земли
Караваномъ верблюжьимъ.

Сколько птицъ, сколько птицъ
Здѣсь на каменныхъ скатахъ,
Голубыхъ небылицъ,
Голенастыхъ, зобатыхъ!

Виденъ ящерицъ рой
Золотисто - зеленыхъ,
Словно влаги морской
Стынутъ брызги на склонахъ.

Мы кидаемъ плоды
На ходу арапчатамъ,
Что сидятъ у воды,
Подражая пиратамъ.

Арапчата орутъ
Такъ задорно и звонко
И шипитъ марабутъ
Намъ проклятья въ догонку.

А когда на пески
Ночь, какъ коршунъ, посядетъ,
Задрожатъ огоньки
Впереди насъ и сзади;

Тѣ краснѣй, чѣмъ кораллъ,
Эти зелены, сини . . .
Водяной карнавалъ
Въ африканской пустынѣ.

Съ отдаленныхъ холмовъ,
Легкимъ вѣтромъ гонимы,
Бедуинскихъ костровъ
Къ намъ доносятся дымы.

Съ обвалившихся стѣнъ
У изгибовъ канала
Слышенъ хохотъ гіенъ,
Завыванья шакала.

И въ отвѣтъ пароходъ,
Звѣзды ночи печаля,
Спящей Африкѣ шлетъ
Переливы рояля.

Ахъ, навѣрно сегодняшнимъ утромъ
Слишкомъ громко звучатъ барабаны,
Крокодильей обтянуты кожей,
Слишкомъ звонко взываютъ колдуньи
На утесахъ Нубійскаго Нила,
Потому что сжимается сердце,
Лобъ горячъ и глаза потемнѣли
И въ мечтахъ оживленная пристань,
Голоса смуглолицыхъ матросовъ,
Въ пѣнныхъ клочьяхъ веселое море,
А за моремъ ущелья Даръ-Фура,
Галлереи-лѣса Кордофана
И великія воды Борну.

Города, озаренные солнцемъ,
Словно клады въ зеленыхъ трущобахъ,
И изъ нихъ, какъ грозящія руки,
Минареты возносятся къ небу.
А на тронахъ изъ кости слоновой
Возсѣдаютъ, какъ древніе бреды,
Короли и владыки Судана;
Рядомъ съ каждымъ, прикованный цѣпью,
Левъ прищурился, голову поднялъ
И съ усовъ лижетъ кровь человѣчью,
Рядомъ съ каждымъ играетъ сѣкирой
Толстогубый, съ лоснящейся кожей,
Черный, словно душа властелина,
Въ ярко-красной рубашкѣ палачъ.

Передъ ними торговцы рабами
Свой товаръ горделиво проводятъ,
Стонутъ люди въ тяжелыхъ колодкахъ
И бѣлки ихъ сверкаютъ на солнцѣ,
Проѣзжаютъ вожди изъ пустыни,
Въ ихъ тюрбанахъ жемчужныя нити,
Перья длинныя страуса вьются
Надъ затылкомъ играющихъ коней,
И надменно проходятъ французы,
Гладко выбриты, въ бѣлой одеждѣ,
Въ ихъ карманахъ бумаги съ печатью,
Ихъ завидя, владыки Судана
Поднимаются съ троновъ своихъ.

А кругомъ на широкихъ равнинахъ,
Гдѣ трава укрываетъ жирафа,
Садоводъ Всемогущаго Бога
Въ серебрящейся мантіи крыльевъ
Сотворилъ отраженіе рая:
Онъ раскинулъ тѣнистыя рощи
Прихотливыхъ мимозъ и акацій,
Разсадилъ по холмамъ баобабы,
Въ галлереяхъ лѣсовъ, гдѣ прохладно
И свѣтло, какъ въ дорическомъ храмѣ,
Онъ провелъ многоводныя рѣки
И въ могучемъ порывѣ восторга
Создалъ тихое озеро Чадъ.

А потомъ, улыбнувшись, какъ мальчикъ,
Что придумалъ забавную шутку,
Онъ собралъ здѣсь совсѣмъ небывалыхъ,
Удивительныхъ птицъ и животныхъ.
Краски взявъ у пустынныхъ закатовъ,
Попугаямъ онъ перья раскрасилъ,
Далъ слону онъ клыки, что бѣлѣе
Облаковъ африканскаго неба,
Льва одѣлъ золотою одеждой
И пятнистой одѣлъ леопарда,
Сдѣлалъ рогъ, какъ янтарь, носорогу,
Далъ газели дѣвичьи глаза.

И ушелъ на далекія звѣзды —
Можетъ быть, ихъ раскрашивать тоже.
Бродятъ звѣри, какъ Богъ имъ назначилъ,
Къ водопою сбираются вмѣстѣ,
И не знаютъ, что дивно-прекрасны,
Что такихъ, какъ они, не отыщешь,
И не знаетъ объ этомъ охотникъ,
Что въ пылающій полдень таится
За кустомъ съ ядовитой стрѣлою
И кричитъ надъ поверженнымъ звѣремъ,
Исполняя охотничью пляску,
И уноситъ владыкамъ Судана
Дорогую добычу свою.

Но роднятъ обитателей степи
Иногда луговые пожары.
День, когда затмевается солнце
Отъ летящаго по вѣтру пепла
И невиданнымъ звѣремъ багровымъ
На равнинахъ шевелится пламя,
Этотъ день — оглушительный праздникъ,
Что привѣтливый Дьяволъ устроилъ
Дамѣ смерти и Ужасу брату!
Въ этотъ день не узнать человѣка
Средь толпы опалённыхъ, ревущихъ,
Всюду бьющихъ клыками, рогами,
Сознающихъ одно лишь: огонь!

Вечеръ. Глазъ различить не умѣетъ
Яркихъ нитей на поясѣ бѣломъ;
Это знакъ, что должны мусульмане
Предъ Аллахомъ свершить омовенье,
Тотъ водой, кто въ лѣсу надъ рѣкою,
Тотъ пескомъ, кто въ безводной пустынѣ.
И отъ голыхъ песчаныхъ утесовъ
Безпокойнаго Краснаго Моря
До зеленыхъ валовъ многопѣнныхъ
Атлантическаго Океана
Люди молятся. Тихо въ Суданѣ.
И надъ нимъ, надъ огромнымъ ребенкомъ,
Вѣрю, вѣрю, склоняется Богъ.

Абиссинія

Между берегомъ буйнаго Краснаго Моря
И суданскимъ таинственнымъ лѣсомъ видна,
Разметавшись среди четырехъ плоскогорій,
Съ отдыхающей львицею схожа, страна.

Сѣверъ — это болота безъ дна и безъ края,
Змѣи черныя подступы къ нимъ стерегутъ,
Ихъ сестеръ-лихорадокъ зловѣщая стая,
Желтолицая, здѣсь обрѣла свой пріютъ.

А надъ ними насупились мрачныя горы,
Вѣковая обитель разбоя, Тигрэ,
Гдѣ оскалены бездны, взъерошены боры
И вершины стоятъ въ снѣговомъ серебрѣ.

Въ плодоносной Амхарѣ и сѣютъ и косятъ,
Зебры любятъ мѣшаться въ домашній табунъ
И подъ вечеръ прохладные вѣтры разносятъ
Звуки пѣсенъ гортанныхъ и рокота струнъ.

Абиссинецъ поетъ и рыдаетъ багана,
Воскрешая минувшее, полное чаръ;
Было время, когда передъ озеромъ Тана
Королевской столицей взносился Гондаръ

Подъ платанами спорилъ о Богѣ ученый,
Вдругъ плѣняя толпу благозвучнымъ стихомъ,
Живописцы писали царя Соломона
Межъ царицею Савской и ласковымъ львомъ.

Но, повѣривъ Шоанской изысканной лести,
Изъ старинной отчизны поэтовъ и розъ
Мудрый слонъ Абиссиніи, Негусъ Негести
Въ каменистую Шоа свой тронъ перенесъ.

Въ Шоа воины хитры, жестоки и грубы,
Курятъ трубки и пьютъ опьяняющій тедшъ,
Любятъ слушать одни барабаны, да трубы,
Мазать масломъ ружье, да оттачивать мечъ.

Хирраритовъ, Галла, Сомали, Донакилей,
Людоѣдовъ и карликовъ въ чащѣ лѣсовъ
Своему Менелику они покорили,
Устелили дворецъ его шкурами львовъ.

И смотря на потоки у горныхъ подножій,
На дубы и полдневныхъ лучей торжество,
Европеецъ дивится, какъ странно похожи
Другъ на друга народъ и отчизна его.

Колдовская страна! Ты на днѣ котловины,
Задыхаешься, льется огонь съ высоты,
Надъ тобою разносится крикъ ястребиный.
Но въ сіяньи замѣтишь ли ястреба ты?

Пальмы, кактусы, въ ростъ человѣческій травы,
Слишкомъ много здѣсь этой паленой травы...
Осторожнѣе! Въ ней притаились удавы,
Притаились пантеры и рыжіе львы.

По обрывамъ и кручамъ дорогой тяжелой
Поднимись, и нежданно увидишь вокругъ
Сикоморы и розы, веселыя села
И зеленый, народомъ пестрѣющій лугъ.

Тамъ колдунъ совершаетъ привычное чудо,
Тутъ, покорна напѣву, танцуетъ змѣя,
Кто сто таллеровъ взялъ за больного верблюда,
Сѣвъ на камнѣ въ тѣни, разбираетъ судья.

Поднимись еще выше! Какая прохлада!
Точно позднею осенью пусты поля,
На разсвѣтѣ ручьи замерзаютъ и стадо
Собирается кучей подъ кровлей жилья.

Павіаны рычатъ средь кустовъ молочая,
Перепачкавшись въ бѣломъ и липкомъ соку,
Мчатся всадники, длинныя копья бросая,
Изъ винтовокъ стрѣляя на полномъ скаку

Выше только утесы, нагія стремнины,
Гдѣ кочуютъ вѣтра, да ликуютъ орлы,
Человѣкъ не взбирался туда, и вершины
Подъ тропическимъ солнцемъ отъ снѣга бѣлы.

И повсюду, вверху и внизу, караваны
Видятъ солнце и пьютъ неоглядный просторъ,
Уходя въ до сихъ поръ неизвѣстныя страны
За слоновою костью и золотомъ горъ.

Какъ любилъ я бродить по такимъ же дорогамъ,
Видѣть вечеромъ звѣзды, какъ крупный горохъ,
Выбѣгать на холмы за козломъ длиннорогимъ,
На ночлегъ зарываться съ сѣдѣющій мохъ!

Есть музей этнографіи въ городѣ этомъ
Надъ широкой, какъ Нилъ, многоводной Невой,
Въ часъ, когда я устану быть только поэтомъ,
Ничего не найду я желаннѣй его.

Я хожу туда трогать дикарскія вещи,
Что когда-то я самъ издалека привезъ,
Чуять запахъ ихъ странный, родной и зловѣщій,
Запахъ ладана, шерсти звѣриной и розъ.

И я вижу, какъ знойное солнце пылаетъ,
Леопардъ, изогнувшись, ползетъ на врага,
И какъ въ хижинѣ дымной меня поджидаетъ
Для веселой охоты мой старый слуга.

Галла

Восемь дней отъ Харрара я велъ караванъ
Сквозь Черчерскія дикія горы
И сѣдыхъ на деревьяхъ стрѣлялъ обезьянъ,
Засыпалъ средь корней сикоморы.

На девятую ночь я увидѣлъ съ горы
— Этотъ мигъ никогда не забуду —
Тамъ внизу, въ отдаленной равнинѣ, костры,
Точно красныя звѣзды, повсюду.

И помчались одни за другими они,
Точно тучи въ сіяющей сини,
Ночи трижды-святыя и странные дни
На широкой галласской равнинѣ.

Все, къ чему приближался навстрѣчу я тутъ,
Было больше, чѣмъ видѣлъ я раньше:
Я смотрѣлъ, какъ огромныхъ верблюдовъ пасутъ
У широкихъ прудовъ великанши.

Какъ саженнаго роста галласы, скача
Въ леопардовыхъ шкурахъ и львиныхъ,
Убѣгающихъ страусовъ рубятъ сплеча
На горячихъ коняхъ-исполинахъ.

И какъ поятъ парнымъ молокомъ старики
Умирающихъ змѣй престарѣлыхъ...
И, мыча, отъ меня убѣгали быки,
Никогда не видавшіе бѣлыхъ.

Временами я слышалъ у входа пещеръ
Звуки пѣсенъ и бой барабановъ,
И тогда мнѣ казалось, что я Гуливеръ,
Позабытый въ странѣ великановъ.

И таинственный городъ, тропическій Римъ,
Шейхъ-Гуссейнъ я увидѣлъ высокій,
Поклонился мечети и пальмамъ святымъ,
Былъ допущенъ предъ очи пророка.

Жирный негръ возсѣдалъ на персидскихъ ков-
Въ полутемной неубранной залѣ, [рахъ
Точно идолъ, въ браслетахъ, серьгахъ и пер-
Лишь глаза его дивно сверкали. [стняхъ,

Я склонился, онъ мнѣ улыбнулся въ отвѣтъ,
По плечу меня съ лаской ударя,
Я бельгійскій ему подарилъ пистолетъ
И портретъ моего государя.

Все разспрашивалъ онъ, много-ль знаютъ о немъ
Въ отдаленной и дикой Россіи . . .
Вплоть до моря онъ славенъ своимъ колдов-
И дѣла его точно благія. [ствомъ

Если мула въ лѣсу ты не можешь найти,
Или рабъ убѣжалъ безпокойный,
Все получишь ты вдругъ, обѣщавъ принести
Шейхъ-Гуссейну подарокъ пристойный.

Сомалійскій полуостровъ

Помню ночь, и песчаную помню страну
И на небѣ такъ низко луну.

И я помню, что глазъ я не могъ отвести
Отъ ея золотого пути.

Тамъ свѣтло, и навѣрное птицы поютъ
И цвѣты надъ прудами цвѣтутъ,

Тамъ не слышно, какъ бродятъ свирѣпые львы,
Наполняя рыканіемъ рвы,

Не хватаютъ мимозы колючей рукой
Проходящаго въ безднѣ ночной!

Въ этотъ вечеръ, лишь тѣни кустовъ поползли,
Подходили ко мнѣ сомали,

Вождь ихъ съ рыжею шапкой косматыхъ волосъ
Смертный мнѣ приговоръ произнесъ,

И насмѣшливый взоръ изъ подъ спущенныхъ
Видѣлъ, сколько со мной человѣкъ. [вѣкъ

Завтра бой, безпощадный, томительный бой
Съ завывающей черной толпой,

Подъ ногами верблюдовъ сплетеніе тѣлъ,
Дождь отравленныхъ копій и стрѣлъ,

И до боли я думалъ, что тамъ, на лунѣ,
Врагъ не могъ бы подкрасться ко мнѣ.

Ровно въ полночь я мой разбудилъ караванъ,
За холмомъ грохоталъ океанъ,

Люди гибли въ пучинѣ и мы на землѣ
Тоже гибели ждали во мглѣ.

Мы пустились въ дорогу. Дышала трава,
Точно шкура вспотѣвшаго льва,

И бѣлѣли средь черныхъ, священныхъ камней
Вороха череповъ и костей.

Въ цѣлой Африкѣ нѣту грознѣй сомали,
Безотраднѣе нѣтъ ихъ земли,

Столько бѣлыхъ пронзило во мракѣ копье
У песчаныхъ колодцевъ ея,

Чтобъ о подвигахъ ихъ говорилъ Огаденъ
Голосами голодныхъ гіенъ.

И когда передъ утромъ склонилась луна,
Ужъ не та, а страшна и красна,

Понялъ я, что она, точно рыцарскій щитъ,
Вѣчной славой героямъ горитъ

И верблюдовъ велѣлъ положить, и ружью
Ввѣрилъ вольную душу мою.

Либерія

Берегъ Верхней Гвинеи богатъ
Медомъ, золотомъ, костью слоновой,
За оградою каменныхъ грядъ
Все пришельцу нежданно и ново.

По болотамъ блуждаютъ огни,
Черепаха грузнѣе утеса,
Клювоносы таятся въ тѣни
Своего исполинскаго носа.

И когда въ океанъ ввечеру
Погрузится небесное око,
Рыболововъ изъ племени Кру
Паруса забредаютъ далеко.

И про каждаго слава идетъ,
Что отважнѣе нѣтъ предъ бѣдою,
Что одною рукой онъ спасетъ
И ограбитъ другою рукою.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ сюда
Лишь за деревомъ чернымъ, рабами,
Изъ Америки плыли суда
Подъ распущенными парусами.

И сюда же на каменный скатъ
Пароходовъ толпа быстроходныхъ
Въ девятнадцатомъ вѣкѣ назадъ
Привезла не рабовъ, а свободныхъ.

Видно, поняли нравъ ихъ земли
Вашингтонскія старыя дѣвы,
Что такіе плоды принесли
Благонравныхъ брошюрокъ посѣвы.

Адвокаты, доценты наукъ,
Пролетаріи, пасторы, воры, —
Все, что нужно въ республикѣ, — вдругъ
Буйно хлынули въ тихія горы.

Разселились . . . Тропическій лѣсъ,
Утонувшій въ таинственномъ мракѣ,
Въ сонмъ своихъ безконечныхъ чудесъ
Принялъ дамскія шляпы и фраки.

— „Господинъ президентъ, вашъ слуга!“ —
Вы съ поклономъ промолвите быстро,
Но взгляните: чернѣй сапога
Господинъ президентъ и министры.

— „Вы сегодня блѣднѣй, чѣмъ всегда!“
Позабывшись, вы скажете дамѣ,
И что дама отвѣтитъ тогда,
Догадайтесь, пожалуйста, сами.

То повиснувъ на тонкой лозѣ,
То запрятавшись въ листьяхъ узорныхъ,
Въ темной чащѣ живутъ шимпанзе
По сосѣдству отъ города черныхъ.

По утрамъ, услыхавъ съ высоты
Протестантское пѣнье во храмѣ,
Какъ въ большой барабанъ, въ животы
Ударяютъ они кулаками.

А когда загорятся огни,
Внемля фразамъ вечернихъ привѣтствій,
Тоже парами бродятъ они,
Вмѣсто тросточекъ выломавъ вѣтви.

Европеецъ одинъ увѣрялъ,
Президентомъ за что-то обиженъ,
Что большой шимпанзе потерялъ
Путь назадъ средь окраинныхъ хижинъ.

Онъ не струсилъ и, пестрымъ платкомъ
Скрывъ стыдливо животъ волосатый,
Въ президентскій отправился домъ,
Президентъ отлучился куда-то.

Тамъ размахивалъ палкой своей,
Билъ посуду, шатался, какъ пьяный;
И, неузнана цѣлыхъ пять дней,
Управляла страной обезьяна.

Сердце билось, смертно тоскуя,
Цѣлый день я бродилъ въ тоскѣ
И мнѣ снилось ночью: плыву я
По какой-то большой рѣкѣ.

Съ каждымъ мигомъ все шире, шире
И свѣтлѣй, и свѣтлѣй рѣка,
Я въ совсѣмъ невѣдомомъ мірѣ
И ладья моя такъ легка.

Красный идолъ на бѣломъ камнѣ
Мнѣ повѣдалъ разгадку чаръ,
Красный идолъ на бѣломъ камнѣ
Громко крикнулъ: — Мадагаскаръ. —

Въ раззолоченныхъ паланкинахъ,
Въ дивно-вырѣзанныхъ ладьяхъ,
На широкихъ воловьихъ спинахъ
И на звонко-ржущихъ коняхъ

Тамъ, гдѣ пѣли и трепетали
Легкихъ тысячи лебедей,
Другъ за другомъ вслѣдъ выступали
Смуглолицыхъ толпы людей.

И о томъ, какъ руки принцессы
Домогался старый женихъ,
Сочиняли смѣшныя пьесы
И сейчасъ же играли ихъ.

А въ роскошной формѣ гусарской
Благосклонно на нихъ взиралъ
Королевы мадагаскарской
Самый преданный генералъ.

Между ихъ были Таматавы,
Схожи съ грудой темныхъ камней,
Пожирали жирныя травы
Благовоньемъ полныхъ полей.

И вздыхалъ я, зачѣмъ плыву я,
Не останусь я здѣсь зачѣмъ;
Неужель и здѣсь не спою я
Самыхъ лучшихъ моихъ поэмъ.

Только голосъ мой былъ неслышенъ
И никто мнѣ не могъ помочь,
А на крыльяхъ летучей мыши
Опускалась теплая ночь.

Небеса и лѣсъ потемнѣли,
Смолкли лебеди въ забытьѣ . . .
. . . Я лежалъ на моей постели
И грустилъ о моей ладьѣ.

Точно мѣдь въ самородномъ желѣзѣ,
Иглы пламени врѣзаны въ ночь,
Напухаютъ валы на Замбези
И уносятся съ гиканьемъ прочь.

Сквозь неистовство молніи бѣлой
Что-то видно надъ влажной скалой,
Тамъ могучее черное тѣло
Налегло на топоръ боевой.

Раздается гортанное пѣнье.
Шаръ земной облетающихъ музъ
Непреложны повсюду велѣнья . . !
Онъ поетъ, этотъ воинъ зулусъ.

„Я дремалъ въ заповѣдномъ краалѣ
И услышалъ рычаніе льва,
Сердце сжалось отъ сладкой печали,
Закружилась моя голова.

„Мечъ метнулся мнѣ въ руку, сверкая,
Распахнулась таинственно дверь
И лежалъ предо мной, издыхая,
Золотой и рыкающій звѣрь.

„И запѣли мнѣ духи тумана:
— Твой навѣкъ да прославится гнѣвъ!
Ты достойный потомокъ Дингана,
Разрушитель, убійца и левъ! —

„Съ той поры я всегда на готовѣ,
По ночамъ мнѣ не хочется спать,
Много, много мнѣ надобно крови,
Чтобы жажду мою утолять.

„За большими, какъ тучи, горами,
По болотамъ близь устья рѣки
Я арабамъ, торговцамъ рабами,
Выпускалъ ассагаемъ кишки.

„И спускался я къ бурамъ въ равнины
Принести на просторы лѣсовъ
Восемь ранъ, украшеній мужчины,
И одиннадцать вражьихъ головъ.

„Тридцать лѣтъ я по лѣсу блуждаю,
Не боюсь ни людей, ни огня,
Ни боговъ . . . но что знаю, то знаю:
Есть одинъ, кто сильнѣе меня.

„Это слонъ въ неизвѣданныхъ чащахъ,
Онъ, какъ я, одинокъ и великъ
И вонзаетъ во всѣхъ проходящихъ
Пожелтѣвшій изломанный клыкъ.

„Я мечтаю о немъ безпрестанно,
Я всегда его вижу во снѣ,
Потому что мнѣ духи тумана
Разсказали объ этомъ слонѣ.

„Съ нимъ борьба для меня безполезна,
Сердце знаетъ, что буду убитъ,
Распахнется небесная бездна
И Динганъ, мой отецъ, закричитъ:

„— Да, ты не былъ трусливой собакой,
Львомъ ты былъ между яростныхъ львовъ,
Такъ садись между мною и Чакой
На скамьѣ изъ людскихъ череповъ!“ —

Дамара

готентотская космогонія

Человѣку грѣшно гордиться,
Человѣка ничтожна сила:
Надъ землею когда-то птица
Человѣка сильнѣй царила.

По утрамъ выходила рано
Къ берегамъ крутымъ океана
И глотала цѣлыя скалы,
Острова цѣликомъ глотала.

А священными вечерами
Надъ высокими облаками,
Поднимая голову, пѣла,
Пѣла Богу про Божье дѣло.

А ногами чертила знаки,
Тѣ, что знаютъ въ подземномъ мракѣ,
Все, что будетъ, и все, что было,
На пескѣ ногами чертила.

И была она такъ прекрасна,
Такъ чертила, пѣла согласно,
Что рѣшила съ Богомъ сравниться
Неразумная эта птица.

Богъ, который весь міръ расчислилъ,
Угадалъ ея злыя мысли
И обрекъ ее на несчастье,
Разорвалъ ее на двѣ части.

И изъ верхней части, что пѣла,
Пѣла Богу про Божье дѣло,
Родились на свѣтъ готентоты
И поютъ, поютъ безъ заботы.

А изъ нижней, чертившей знаки,
Тѣ, что знаютъ въ подземномъ мракѣ,
Появились на свѣтъ бушмены,
Украшаютъ знаками стѣны.

А вотъ перья, что улетѣли
Далеко въ океанъ, доселѣ
Все плывутъ, какъ бѣлые люди;
И когда ихъ довольно будетъ,

Вновь срастутся былыя части
И опять извѣдаютъ счастье.
Въ бѣлыхъ перьяхъ большая птица
На своей землѣ поселится.

Экваторіальный лѣсъ

Я поставилъ палатку на каменномъ склонѣ
Абиссинскихъ, сбѣгающихъ къ западу, горъ
И безпечно смотрѣлъ, какъ пылаютъ закаты
Надъ зеленою крышей далекихъ лѣсовъ.

Прилетали оттуда какія-то птицы
Съ изумрудными перьями въ длинныхъ хвостахъ,
По ночамъ выбѣгали веселыя зебры,
Мнѣ былъ слышенъ ихъ храпъ и удары копытъ.

И однажды закатъ былъ особенно красенъ,
И особенный запахъ летѣлъ отъ лѣсовъ,
И къ палаткѣ моей подошелъ европеецъ,
Исхудалый, небритый, и ѣсть попросилъ.

Вплоть до ночи онъ ѣлъ неумѣло и жадно,
Клалъ сардинки на мяса сухого ломоть,
Какъ пилюли, проглатывалъ кубики магги
И въ абсентъ добавлять отказался воды.

Я спросилъ, почему онъ такъ мертвенно блѣденъ,
Почему его руки сухія дрожатъ,
Какъ листы . . . — „Лихорадка великаго лѣса“, —
Онъ отвѣтилъ и съ ужасомъ глянулъ назадъ.

Я спросилъ про большую открытую рану,
Что сквозь тряпки чернѣла на впалой груди,
Что съ нимъ было? — „Горилла великаго лѣса“, —
Онъ сказалъ и не смѣлъ оглянуться назадъ.

Былъ съ нимъ карликъ, мнѣ по поясъ, голый и чер-
Мнѣ казалось, что онъ не умѣлъ говорить, [ный,
Точно песъ, онъ сидѣлъ за своимъ господиномъ,
Положивъ на колѣни бульдожье лицо.

Но когда мой слуга подтолкнулъ его въ шутку,
Онъ оскалилъ ужасные зубы свои
И потомъ цѣлый день волновался и фыркалъ,
И раскрашеннымъ дротикомъ билъ по землѣ.

Я постель предоставилъ .усталому гостю,
Легъ на шкурахъ пантеръ, но не могъ задремать,
Жадно слушая длинную, дикую повѣсть,
Лихорадочный бредъ пришлеца изъ лѣсовъ.

Онъ вздыхалъ: — „какъ темно . . . этотъ лѣсъ
безконеченъ . . .
Не увидѣть намъ солнца уже никогда . . .
Пьеръ, дневникъ у тебя? На груди подъ
рубашкой?
Лучше жизнь потерять намъ, чѣмъ этотъ
дневникъ!

„Почему насъ покинули черные люди?
Горе, компасы наши они унесли . . .
Что намъ дѣлать? Не видно ни звѣря, ни птицы;
Только посвистъ и шорохъ вверху и внизу!

„Пьеръ, замѣтилъ костры? Тамъ навѣрное люди . . .
Неужели же мы, наконецъ, спасены?!
Это карлики . . . сколько ихъ, сколько собралось . . .
Пьеръ, стрѣляй! На кострѣ человѣчья нога!

„Въ рукопашную! Помни, отравлены стрѣлы...
Бей того, кто на пнѣ . . . онъ кричитъ, онъ ихъ вождь . . .
Горе мнѣ! На куски разлетѣлась винтовка...
Ничего не могу . . . повалили меня . . .

„Нѣтъ, я живъ, только связанъ . . . злодѣи, злодѣи,
Отпустите меня, я не въ силахъ смотрѣть . . !
Жарятъ Пьера . . . а мы съ нимъ играли въ Марсели,
На утесѣ у моря играли дѣтьми.

„Что ты хочешь, собака? Ты всталъ на колѣни?
Я плюю на тебя, омерзительный звѣрь!
Но ты лижешь мнѣ руки? Ты рвешь мои путы?
Да, я понялъ, ты богомъ считаешь меня . . .

„Ну, бѣжимъ! Не бери человѣчьяго мяса,
Всемогущіе боги его не ѣдятъ . . .
Лѣсъ . . . о, лѣсъ безконечный . . . я голо-
денъ, Акка . . .
Излови, если можешь, большую змѣю!" —

Онъ стоналъ и хрипѣлъ, онъ хватался за сердце
И на утро, почудилось мнѣ, задремалъ;
Но, когда я его разбудить попытался,
Я увидѣлъ, что мухи ползли по глазамъ.

Я его закопалъ у подножія пальмы,
Крестъ поставилъ надъ грудой тяжелыхъ камней
И простыя слова написалъ на дощечкѣ:
– Христіанинъ зарытъ здѣсь, молитесь о немъ.

Карликъ, чистя свой дротикъ, смотрѣлъ рав-
нодушно,
Но, когда я закончилъ печальный обрядъ,
Онъ вскочилъ и, не крикнувъ, помчался по
склону,
Какъ олень, убѣгая въ родные лѣса.

Черезъ годъ я прочелъ во французскихъ газе-
тахъ,
Я прочелъ и печально поникъ головой:
— Изъ большой экспедиціи къ Верхнему Конго
До сихъ поръ ни одинъ не вернулся назадъ.

Дагомея

Царь сказалъ своему полководцу: „могучій,
Ты высокъ, точно слонъ дагомейскихъ лѣсовъ,
Но ты все таки ниже торжественной кучи
Отсѣченныхъ тобой человѣчьихъ головъ.

„И какъ доблесть твоя, о, испытанный воинъ,
Такъ и милость моя не имѣетъ конца.
Видишь солнце надъ моремъ? Ступай! Ты
достоинъ
Быть слугой моего золотого отца".

Барабаны забили, защелкали бубны,
Преклоненные люди завыли вокругъ,
Амазонки запѣли протяжно, и трубный
Прокатился по морю отъ берега звукъ.

Полководецъ царю поклонился въ молчаньи
И съ утеса въ бурливую воду прыгнулъ,
И тонулъ онъ въ водѣ, а, казалось, въ сіяньи
Золотого закатнаго солнца тонулъ.

Оглушали его барабаны и клики,
Ослѣпляли соленые брызги волны,
Онъ исчезъ. И блистало лицо у владыки,
Точно черное солнце подземной страны.

Нигеръ

Я на картѣ моей подъ ненужною сѣткой
Сочиненныхъ для скуки долготъ и широтъ
Замѣчаю, какъ что-то чернѣющей вѣткой,
Виноградной оброненной вѣткой ползетъ.

А вокругъ города, точно горсть виноградинъ,
Это — Бусса и Гомба и царь Тимбукту,
Самый звукъ этихъ словъ мнѣ, какъ солнце, отраденъ,
Точно бой барабановъ, онъ будитъ мечту.

Но не вѣрю, не вѣрю я, справлюсь по книгѣ,
Вѣдь должна же граница и тупости быть!
Да, написано Нигеръ... о, царственный Нигеръ,
Вотъ какъ люди посмѣли тебя оскорбить!

Ты торжественнымъ моремъ течешь по Судану,
Ты сражаешься съ хищною стаей песковъ
И когда приближаешься ты къ океану,
Съ середины твоей не видать береговъ

Бегемотовъ твоихъ розоватыя рыла,
Точно сваи незримаго чудо-моста,
И винты пароходовъ твои крокодилы
Разбиваютъ могучимъ ударомъ хвоста.

Я тебѣ, о, мой Нигеръ, готовлю другую
Небывалую карту, отраду для глазъ,
Я широкою лентой парчу золотую
Положу на зеленый и нѣжный атласъ.

Снизу слѣва кровавые лягутъ рубины,
Это — край металлическихъ странныхъ боговъ,
Кто зарылъ ихъ въ угрюмыхъ ущельяхъ Бенины
Межъ слоновьихъ клыковъ и людскихъ черепо-
повъ?

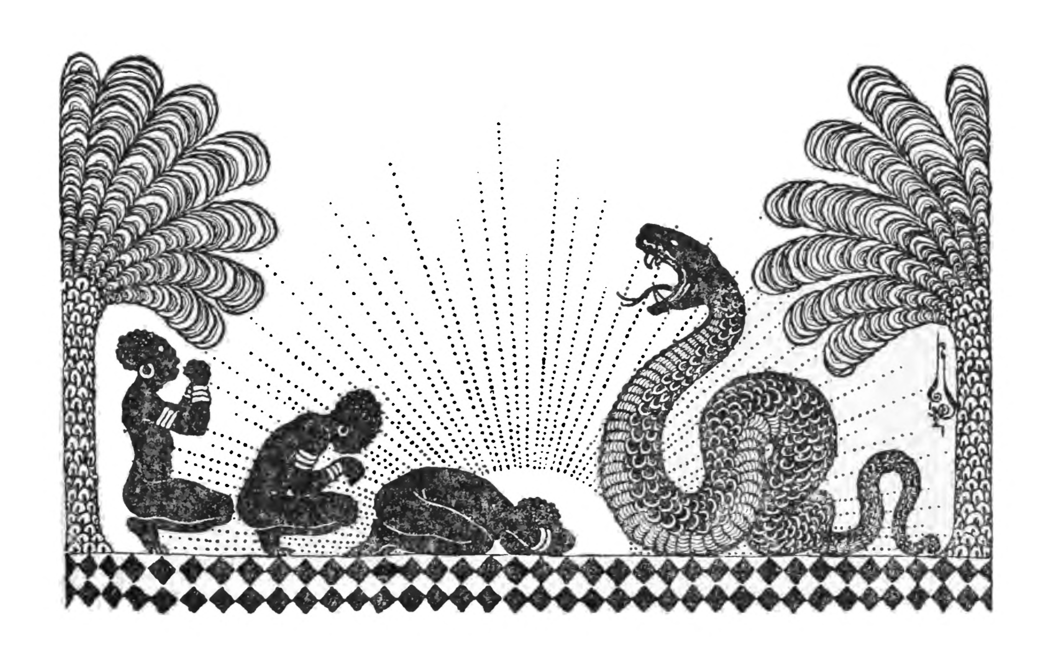
Дальше справа, гдѣ рощи густыя Сокото,
На атласъ положу я большой изумрудъ,
Здѣсь богаты деревни, привольна охота,
Здѣсь свободные люди, какъ птицы, поютъ.

Дальше блѣдный опалъ, прихотливо мерцая
Затаеннымъ въ немъ краснымъ и синимъ огнемъ,
Мнѣ такъ сладко напомнитъ равнины Сонгаи
И султана Сонгайскаго глиняный домъ.

И жемчужиной дивной, конечно, означенъ
Будетъ городъ сіяющихъ крышъ, Тимбукту,
Надъ которымъ и коршунъ кричитъ, озадаченъ,
Видя въ сердцѣ пустыни мимозы въ цвѣту,

Видя дѣвушекъ смуглыхъ и гибкихъ, какъ лозы,
Чье дыханье пьянѣй бальзамическихъ смолъ,
И фонтаны въ садахъ и кровавыя розы,
Что вѣнчаютъ вождей поэтическихъ школъ.

Сердце Африки пѣнья полно и пыланья,
И я знаю, что, если мы видимъ порой
Сны, которымъ найти не умѣемъ названья,
Это вѣтеръ приноситъ ихъ, Африка, твой!



ШАТЕРЪ

Настоящее изданіе напечатано съ рукописи, переданной издательству Н. С. Гумилевымъ въ іюнѣ 1921 года.